

УДК 352

***ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ (XVIII ВЕК)***

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

Краснодар, Россия

Аннотация. Раскрывается проблема наличия (отсутствия) и содержания государственной идеологии в России в историческом аспекте, а именно применительно к эпохе XVIII в. В этот период наиболее выпукло идеологическая составляющая государственности находила отражение в годы правления Петра I и Екатерины II. Анализируются научные труды по заявленной проблематике, соответствующие правовые акты, которые принимались указными монархами, делаются авторские обобщения.

Ключевые слова: государство, идеология, конституция, народ, общество, монарх, инакомыслие.

***STATE IDEOLOGY IN THE RUSSIAN
EMPIRES (XVIII CENTURY)***

Uporov I.V.

Doctor of History, Ph.D., Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Annotation. The problem of the presence (absence) and content of state ideology in Russia is revealed in a historical aspect, namely in relation to the era of the 18th century. During this period, the ideological component of statehood was most clearly reflected during the reign of Peter I and Catherine II. Scientific works on the stated is-

sues, relevant legal acts that were adopted by the designated monarchs are analyzed, and the author's generalizations are made.

Key words: state, ideology, constitution, people, society, monarch, dissent.

Согласно ст. 13 Конституции России в нашей стране никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Такой подход вызывает неоднозначную реакцию среди политологов и правоведов. Отмечается, в частности, что отрицание государственной идеологии в постсоветской России привело к фактическому отрицанию идеологической функции государства, ценностной дезориентации общества, что отразилось на всех формах общественного сознания, в том числе и на правосознании, а, следовательно, и на правовой идеологии [1, с. 115]. Вместе с тем, как считает С.А. Авакьян, сама Конституция есть не что иное, как система идей, выраженная в концептуальной политико-юридической форме» [2, с. 8-9]. Н.И. Матузов полагает, что у любого государства не может не быть какой-либо позиции по идеологическим вопросам [3, с. 89]. Согласно еще одной точке зрения, применительно к России, каждый народ на определенной исторической ступени своего развития приходит к осознанию самого себя как социальной целостности, но такое осознание должно созреть, однако российский народ, многократно обманутый в годы реформ, уже ни во что не верит [4, с. 116-117]. Позиции, как видно, различные, но нельзя не видеть, что эта проблема пока не имеет приемлемого для российского общества решения.

И это видно по историческим «зигзагам» российской государственности – была и Российская империя («православие, народность, самодержавие»), был и СССР («наша цель – коммунизм»), есть и постсоветская, современная Россия (формальное отсутствие государственной идеологии). При этом, на наш взгляд, есть основания утверждать, что государственная идеология существовала всегда – с момента возникновения государства вообще, и проявляется в действиях и решениях государства (в лице соответствующих органов публичной власти и должностных лиц). Покажем это применительно к России XVIII в., учитывая,

что именно в это столетие наблюдалась наибольшая реформационная активность.

Так, Петр I в толковании к Артикулу воинскому 1715 г. [5] дал настолько четкое определение самодержавной абсолютной власти монарха, что оно сохранилось на все последующее время существования абсолютизма в России: «Кто против его величества особы хулительными словами погрешит, его действо и намерение презирать и непристойным образом о том разсуждать будет, оный имеет живота лишен быть, и отсечением главы казнен. Толкование. Ибо его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять. И яко же о его величестве самом в оном артикуле помянуто, разумеется тако и о его величества цесарской супруге, и его государства наследии»[5]. Здесь достаточно четко и жестко отражена суть государственной идеологии российского абсолютизма эпохи начала XVIII в., несмотря на отсутствие столь же четкого теоретического обоснования (причем, мы имеем в виду «теоретическое обоснование» в современном понимании – дело в том, что процитированное выражение можно считать и теоретическим постулатом, но поскольку он включен в текст нормативно-правового акта, его следует считать законодательным положением, а не теоретическим умозаключением).

При этом мы в целом солидаризируемся с подходом, согласно которому государственная идеология обычно фиксируется в конституциях или других законах, при помощи лишь официальной идеологии соответствующие политические силы вправе добиваться закрепления в конституции и законах ее постулатов. Однако в последнем случае, несмотря на обязанности к исполнению соответствующих норм, граждане сохраняют за собой право проповедовать другие взгляды и добиваться принятия или отмены упомянутых правовых норм. Иначе говоря, при идеологической многообразии всегда сохраняется возможность политической борьбы за возобладание соответствующего мнения, воплощаемого в правовых актах. Однако в этих случаях требуется строгое выполнение условия, согласно которому любая борьба за возобладание тех или иных взглядов

должна вестись в рамках, дозволенных конституцией и другими правовыми актами [1, с. 117].

Но, одновременно, здесь излишне превалирует формалистский подход, когда особо подчеркивается необходимость того, что следует соблюдать рамки закона. Например, в Конституции СССР предусматривалась только одна идеология; то же можно говорить и о периоде абсолютной монархии, и здесь, таким образом, встает проблема конфликтного взаимодействия официальной (государственной) идеологии и иной идеологии (инакомыслия), где сторонники иных взглядов как правило были преследуемы. Кроме того, нужно иметь в виду, что формы выражения государственной идеологии не ограничиваются лишь правовыми нормами – таковыми могут быть, например, решения съездов правящей политической партии, официальные заявления должностных лиц (в частности, ежегодное послание Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию Российской Федерации). В этом контексте XVIII век характерен тем, что существенное значение имели «рассуждения», исходящие от монарха, в частности, известный «Наказ» Екатерины II 1767 г. [6], который ярко характеризует официальную государственную идеологию того времени.

Следует заметить, что XVIII век в российской истории уникален тем, что приход к власти монархов после Петра I происходил, как правило, в результате закулисной борьбы среди высшей аристократии и приближенных к трону высокопоставленных чиновников при активном участии гвардии, что послужило основанием называть это столетие эпохой «дворцовых переворотов». За 37 лет, прошедшие от смерти Петра I до воцарения Екатерины II, трон занимали шесть монархов, получивших престол в результате дворцовых интриг или переворотов. Ряд историков определяет вторую четверть – середину XVIII в. как “эпоху временщиков”, “период политической нестабильности”. Они подчеркивают, что престол в эту эпоху занимали в основном женщины и дети, при которых огромную роль играли регенты, фавориты, временщики, чуждые стране, по своим эгоистическим наклонностям, недостойные власти [7, с. 126].

Отчасти это объяснялось нестандартными решениями великого реформатора Петра I, которые ставили в тупик последователей после его кончины. Так,

известным решением Петра I (1722 г.) отменялся обычный порядок престолонаследия, действовавший в Московской Руси, и монарху предоставлялось право назначения наследников. При таком порядке важное значение получало завещание монарха. Но император умер 28 января 1725 г. не оставив завещания. В результате Сенат после интенсивных переговоров и с учетом политического расклада провозгласил императрицей Екатерины I.

Фактическим же правителем государства был А. Д. Меншиков. Был сформирован также Верховный тайный совет, ограничивший власть Сената. Указанные события представляли собой типичную картину смены власти в России на монархическом престоле в послепетровскую эпоху XVIII в. Такого рода события показывали характерную схему дворцового переворота, а именно захват трона явочным порядком (с опорой на вооруженную гвардию) с последующим провозглашением победившей группировкой всей полноты императорской власти. Кроме того, обязательным следствием дворцового переворота было уголовно-политическое преследование соперников победителей в схватке за власть.

Здесь очень важно подчеркнуть то обстоятельство, что смена монархов на престоле совершенно не изменяла сущности абсолютизма как формы государственного правления, то есть государственная идеология оставалась прежней в своей основе, хотя, конечно, в правлении каждого монарха имелись свои особенности. В этой связи следует заметить, что петровская эпоха была завершением процесса формирования абсолютизма, но она же оказалась и наиболее полным его выражением.

Последующий же период стал этапом выработки пусть и не явных, но все-таки некоторых ограничителей полномочий императоров, не выходящих, впрочем, за рамки абсолютизма. Именно в этом состоял смысл тех событий, которые вошли в историю под именем эпохи «дворцовых переворотов». Во второй половине XVIII в., таким образом, произошла стабилизация политической системы, были выработаны новые формы взаимоотношений между монархией и обществом.

Это не были какие-либо письменные взаимные обязательства в виде кон-

ституционного закона, скорее императорской властью были осознаны пределы ее возможностей, которые она старалась не переступать, понимая, что в противном случае трон может закачаться. Такой вид монархии можно определить как “самоограниченную”. Именно эта необходимость самоограничения обусловила и относительную успешность царствования Екатерины II (1762–1796 гг.), которое завершилось без очередного дворцового переворота. Необходимость считаться с общественным мнением стала неотъемлемой чертой государственной системы и легла в основу государственной идеологии, получившей название “просвещенного абсолютизма” [8, с. 93].

Заметным политико-методологическим отличием “просвещенного абсолютизма” от традиционного абсолютизма являлась двойственность проводимых мероприятий. С одной стороны, правительства активно противодействовали всяким попыткам изменениям существующей системы, но с другой – были вынуждены время от времени делать частичные уступки требованиям общества. Так, почти все монархи начинали свое правление с поощрения элементов либерализма (в крайне незначительных пределах, не менявших политическую систему). Та же Екатерина II в первые годы после прихода к власти организовала созыв и работу Уложенной комиссии (1767–1769 гг.), ограничившейся, правда, лишь чтением наказов, санкционировала создание Вольного экономического общества. Аналогичная тенденция видна и в усилиях государства по распространению просвещения, а с середины XVIII в. и науки [9, с. 63-65], поскольку образование и наука являли собой объективные закономерности развития общественных отношений.

В то же время не было ни одного монарха, который бы был последователен в своих даже очень незначительных либеральных устремлениях. Все они, как правило, во второй половине царствования вступали в активную борьбу с либерализмом, которая выражалась в укреплении централизма в системе государственного управления, имеющего цель поставить под жесткий контроль общество. Примерами такого рода являются губернская реформа Екатерины II. Не отказывалось правительство и от использования репрессивных методов в борьбе против либералов – так, если в начальный период Екатерина упразднила

Тайную канцелярию как орган политического сыска с претензией на законность и справедливость государственного управления, то позже создала Тайную экспедицию с совершенно теми же функциями, а именно с целью выявления и подавления своих политических врагов и в целом государственных преступников.

Для реализации этой цели применялись самые разные меры, среди них можно назвать как меры политической репрессии, подобные аресту Н. И. Новикова или ссылке А. И. Радищева, олицетворявших попытки некоторого инакомыслия, оказавшегося, по воле верховной власти, преступным, так и меры уголовно-процессуального характера (пытки при допросе, телесные наказания). Не менее двойственный характер носила и социальная политика этой эпохи. Если расширение привилегий дворянства, наиболее полно выраженное в «Жалованной грамоте дворянству» (1785 г.), и организация местного дворянского самоуправления выглядели естественно, то покровительственная политика по отношению к предпринимательским слоям и создание городского самоуправления («Жалованная грамота городам» 1785 г.) явно свидетельствуют о понимании государством необходимости хотя бы частичных изменений в социальной системе [10, с. 224].

Еще одним свидетельством этой тенденции является отмена Павлом I пытки как средства уголовного судопроизводства в 1801 г. Однако при этом главным направлением во внутренней политике оставалось стремление сохранить сложившиеся отношения в неизменном виде, что отражало особенность государственной идеологии того времени. Поэтому именно в XVIII в. крепостническая зависимость приобретает законченные формы рабства, превратив крестьян в бесправное сословие.

Как видно, для эпохи просвещенного абсолютизма характерно взаимопереплетение, взаимодействие и взаимное противоборство старого и нового во всех сферах жизни, либерализм и деспотизм в политике, расширение прав одних сословий и сужение прав других в социальной сфере, увеличение свободы предпринимательства и ограничение возможностей хозяйственных субъектов в экономике – везде наблюдается двойственный характер развития России в эту эпоху [11, с. 67]. Отмеченные особенности общественно-политического разви-

тия России в послепетровский период XVIII в. в той или иной степени проявлялись во всех сферах государственного управления. И тогда же сформировалась и действовала вплоть до распада СССР концепция взаимодействия государственной идеологии и инакомыслия, заключающаяся в том, что власть нетерпимо относилась к инакомыслящим и расценивала распространение иной идеологии не приемлемым. В настоящее время этого нет, но проблема государственной идеологии остается, и ее необходимо решать.

Библиографический список

1. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. - М.: Норма, 2008.
2. Авакьян С.А. Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. - М., 1996.
3. Матузов Н.И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3. С. 85-92.
4. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. М., 2003.
5. Артикул воинский 1715 г. // Законодательство Петра I. М., 1997.
6. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д.Чечулина // Памятники русского законодательства 1649-1832 гг., издаваемые императорской Академией Наук. СПб, 1907.
7. Коржихина Т.П., Сенин А.И. История российской государственности. М., 1995.
8. Воронин А.В. История российской государственности. - М., 2000.
9. Калашникова С.М. Исторические аспекты формирования различных типов политического сознания в России во второй половине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. - Воронеж, 2006. С.
10. Марасинова Е. Н. Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII века: по материалам законодательства и переписки: дис. ... д-ра ист. наук. - М., 2008.

11. Сорокин Ю.А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в.: дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 1999.

12. Омельченко О.А. Монархия просвещенного абсолютизма в России: Политическая доктрина, правовая политика, государственные реформы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

13. Артамонова Л.М. Просвещение, власть и общество в русской провинции XVIII - начала XIX вв.: Юго-восточные губернии Европейской России: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2002.

Оригинальность 75%